

КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ У ЧУВАШЕЙ: ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ*

Ключевые слова: крещение, кумовство, обряд, традиция, религия, восприемник.

Крещение являлось обрядом, с помощью которого новорожденный включался в этноконфессиональную общность. Данные действия означали объединение ребенка со своей семьей и общиной, приобщение ко всему многообразию народной жизни с ее трудом, радостями и заботами.

O.V. EGOROVA

CHRISTENING OF CHILDREN AT CHUVASHS: CUSTOMS, CEREMONIES, TRADITIONS

Key words: a christening, nepotism, a ceremony, tradition, religion, godson

Christening was a ceremony with which help the newborn joined in ethnokonfessional a generality. The given actions meant association of the child with the family and a community, familiarising with all variety of a national life with its work, pleasures and cares.

Церковный обряд крещения и связанные с ним народные семейные обряды и обычаи представляют собой сложный культурно-культурный комплекс. Этот обряд имеет ярко выраженный религиозный смысл, но вместе с тем содержит и древние, дохристианские элементы, такие, как совместная трапеза родственников; хлеб как подарок куму от матери ребенка и др. У чувашей, в связи с постепенным вхождением христианских обрядов в быт, вместо ача чўкё – жертвоприношения в честь рождения ребенка начали проводить обряд крещения – ача тыттарни.

Одной из первых и самых важных родительских обязанностей было крещение новорожденного младенца. Сроки, в которые происходило крещение, зависели от различных причин. Если ситуация была чрезвычайная – ребенок серьезно болел или же в семье или среди близких родственников кто-либо умирал, то ребенка крестили сразу же. В особых случаях разрешалось повитухе крестить новорожденного. В 1888 г. в д. Кульгеевой Цивильского уезда родились тройня. В день своего рождения Иван был крещен священником, а Василий и Иоанн – акушеркой Юрьевой [9, л. 109-111].

С крещением старались не затягивать потому, что некрещеному ребенку, по народным представлениям, могли повредить нечистые силы, особенно в вечернее время; считалось, что младенцем может завладеть «злой дух». Чувашки считали, что до крещения около ребенка находятся разных видов злые духи, которые «змеем завиваются вокруг шеи», поэтому около некрещеного ребенка «крепко засыпать не велели». Покровителем младенцев после крещения считали ангела хранителя – Пулехси [19, л. 418]. Поэтому до крещения дитя старались не выносить вечером во двор, не брали с собой, когда шли в гости.

Время устройства крещения зависело также и от материальных возможностей семьи, поскольку это требовало немалых средств. Особенно затягивалось крещение ребенка в отдаленных от храмов деревнях, где родители предпочитали ждать, когда священник сам посетит деревню, совершая очередной обход своего прихода. В таких случаях детей крестили дома, так как нести или везти ребенка в село было обременительно и к тому же считалось рискованным лишней раз подвергать его опасностям порчи. Поэтому священника приглашали на дом во время его посещений деревень.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 09-01-22700е/В.

Обряд крещения относится к числу одного из семи таинств, т.е. таких священнодействий, во время которых благодать Духа Святого нисходит на верующих. Оно происходит обязательно в церкви или в специальной крещальне при церкви. Согласно канону русской православной церкви крещение нужно было совершать на 40-й день после рождения. Однако если до истечения этого срока младенец умирал некрещеным, то на родителей налагалась епитимья. Для некрещеного закрыты двери рая, за него нельзя молиться в церкви, нельзя отпевать, поминать после смерти [24, с. 90-91]. В Приложении к протоколу заседания Врачебного Совета от 4 июня 1888 г. отмечено, что на 994 случая рождения в первый день крещено с молитвою 72, во второй – 131, в третий – 125, в четвертый – 284, с шестого по двадцатый – 413 [4, л. 59об.]. По данным метрических книг в Ковалинском приходе Цивильского уезда Казанской губернии, в начале XIX в. крестили в основном в тот же день и не позже третьего дня [6].

Крестили чаще по воскресеньям или в праздничные дни, собирая для совершения обряда иногда более 100 детей. По христианским нормам, крещение, совершенное в праздничные дни, было более благоприятно для ребенка, кроме того, запрещалось работать.

С церковным обрядом крещения связаны появление и исключительно широкое бытование в семейном быту чувашей института крестных родителей. Крестную маму чуваша называли – пысак анне, пысак апай, хёресанне, хёресне анне [1, т. XVII, с. 44], хреснанне, хреснапай [1, т. XVII, с. 76], пуссакапи, пускапи [1, т. X, с. 10,12], отца называли – пысак ати [1, т. IX, с. 193,236], пуссакатти, пускатти [1, т. X, с. 10, 12], хёресна атте [1, т. XVII, с. 43], хёреснатте, хёресне атте [1, т. XVII, с. 44], хресна [1, т. XVII, с. 76]. Главным действующим лицом обряда крещения был восприемник, выполнявший двоякую роль: религиозно-магическую и социальную (приобщение крестника к социальной общности, в данном случае к православной общине). Функция крестных, скрепленная народной традицией, была гораздо шире той, которую им приписывала церковь. Это духовное родство, которое приравнивалось к родству по крови и скрепляло большую часть ее членов искусственными родственными связями. Крестные как свидетели крещения сохраняли тесные отношения со своими подопечными на протяжении всей жизни, принимая самое живое участие в их воспитании, в свадебном торжестве, похоронах и т.д. На крестных падали многие финансовые расходы, а в случае смерти родителей крестные должны были полностью их заменить.

Кумовство имело много вариантов, формы обряда были разными, принцип выбора крестных, их число и взаимоотношения зависели от местных традиций. Этнограф Т.А. Листова указывает, что, согласно церковным правилам, восприемниками могли быть лица, достигшие гражданского или хотя бы церковного совершеннолетия: 15 лет для мальчиков и 13 лет для девочек, но иногда брали детей младше указанных лет – «лишь бы мог держать ребенка». На практике возраст крестных колебался обычно от 20 до 40 лет [12, с. 113]. Восприемниками могли быть и младенцы [7, л. 595 об.]. По церковному учению, восприемник становится «проводником веры» и «стражем спасения» своего подопечного, поэтому в крестные выбирали людей определенного возраста – совершеннолетнего, духовно зрелого (но не старого) [2, с. 112].

Многие восприемники и восприемницы состояли в различных степенях родства с новорожденными: это дядья [6, л. 302], тетки, бабушки [6, л. 276] и дедушки [6, л. 425 об., 586 об.] с обеих сторон, старшие братья и сестры [7, л. 449об.; 8, л. 186 об.] и другие родственники. Подобное обстоятельство не только укрепляло семейные узы, но и положительно сказывалось на определении будущего круга брачных партнеров новорожденного. Согласно канонам

православной церкви препятствием к браку считалось наличие кровного родства, свойства и духовного родства до седьмой степени. Родство духовное стояло выше кровного. Совмещение кровного и духовного родства при выборе восприемников упрощало эту ситуацию [24, с. 93].

Согласно канону, необходимым считается наличие только одного восприемника – мужчины при крещении мальчика и женщины при крещении девочки. Этот порядок был закреплён ещё постановлениями Стоглавого собора. На практике обычаем допускать к купели двух восприемников держался вопреки многочисленным запретам [24, с. 92]. Количество восприемников в разных районах и селениях колебалось от 1 до 2 и более. Чаще встречались случаи, когда один из восприемников был родственником с материнской стороны, а второй – отцовской. Встречались и другие факты. По данным метрических книг Ковалинского, Багильдинского, Старошигалинского приходов Цивильского уезда Казанской губернии с начала XIX в. по 1918 г. в основном было по одному восприемнику. По два восприемника встречаем среди незаконнорожденных девочек (мужского и женского пола), одну восприемницу встречаем редко [6, л. 278-278 об.]. Такое явление реже встречается среди незаконнорожденных мальчиков [6, л. 581]. Многие родители восприемников выбирали из среды священнослужителей. У одного священника набралось до 100 крестников. В окрестности заметили, что у него крестники не умирают, поэтому предпочитали его [3, с. 431-443]. При изучении метрических книг Ковалинского прихода Цивильского уезда Казанской губернии за 1783-1786 г. выяснилось, что дьякон Иван Алексеев был восприемником почти 50 раз, пономарь Андрей Алексеев – более 30 раз, пономарь Терентий Яковлев более 20 раз [5]. К середине XIX в. уже священно-церковно-служители не были столь популярными. В основном восприемниками становятся их супруги и дети.

Чуваши, проживавшие в контактных зонах с татарами и русскими, могли в качестве крестных выбрать представителей другой национальности. Такие примеры можем встретить среди жителей округи с. Большая Таяба Тетюшского уезда [16, л. 194], с. Старые Шигали Цивильского уезда. Особенно часто такие примеры встречались в последнем случае в 60-х годах XIX в., когда крещёные татары из д. Сунчелеевой, Бакарчей (ныне Звениговского района Татарстана) восприемников выбирали из чувашских деревень Житницы, Козыльяр, Тегешево Цивильского уезда и наоборот [10]. В Ковалинский приход Цивильского уезда кроме чувашских входили татарские деревни Акзегитово, Сунчелеево, Бакрчи и др. Между жителями этих деревень заключались нередко законные браки [5, л. 119 об.], выбирались восприемники [5, 124 об.].

Современные православные издания дают следующую информацию о составе восприемников: «Не допускаются к восприемничеству монахи и монахини, также и родители не могут быть восприемниками собственных детей. Вообще супруги не могут быть восприемниками при крещении одного младенца, но при этом мужу и жене разрешается быть восприемниками разных детей одних и тех же родителей, но не одновременно» [24, с. 94]. Однако факты прошлых веков не соответствовали современным воззрениям. В 1885 г. в Багильдинском приходе Цивильского уезда Ермий Петров и его жена Феодосия Митрофанова были восприемниками близнецов Георгия и Екатерины [9].

При выборе восприемников большое значение имели чувства личной симпатии, дружеские связи. В крестные не следовало выбирать бездетных женщин, считалось, что ребенок не будет жить. Исключение составляли тяжело больные дети. Также не выбирали восприемницей беременную женщину, иначе с ней случатся неблагоприятные роды [18, л. 324]. Суеверные представления объясняли этот запрет возможной порчей одного из детей во время обряда крещения. Из числа воз-

можных восприемников исключались женщины в период месячных очищений. И по народным, и по церковным представлениям, женщина в такие дни считалась нечистой и не должна была участвовать ни в каких религиозных обрядах.

Информатор из д. Дубовка Красноармейского района Чувашской Республики (далее ЧР) вспоминала, что одна из женщин, которая ни разу не была чьей-нибудь крестной, напросилась сделать её восприемницей, так как чувашки полагали, что ни разу не бывшая кумой на том свете станет кумой собаки (йытă кумми тăваççĕ)

Церковное учение о крестных как вторых родственниках, развившись в народной среде, привело к появлению ряда суеверных представлений о воздействии на крестника или же прямого наследовании им тех или иных качеств крестных родителей. Охотно звали наиболее состоятельных соседей. В таком случае эквивалент во взаимоотношениях между соседями не соблюдался. Богатые кумовья в случае необходимости помогали бедным. Все породненные кумовья совместно праздновали главные календарные праздники, семейные торжества, кроме того, участвовали в коллективных работах в поле, на строительстве дома. Это был большой родственный коллектив, живший в близком соседстве, образуя сельскую патронимию. Духовное родство признавалось равным кровному, что еще более укрепляло родственные связи. Ввиду признания кумовства равным родственным отношениям брака между крестными родителями или кумовьями и крестником или крестницей были запрещены. Дети крестных также не имели права вступать в брак, так как считались духовными родственниками. Некоторые чувашки считали, что религиозное родство ценится выше, чем кровное.

С представлениями о возможности повлиять на судьбу ребенка, выбрав определенного крестного (крестную), связаны и некоторые обычаи выбора кумовьев в тех семьях, где дети часто умирали. Большое значение придавалось имени крестного. По церковным канонам выбирали имя какого-нибудь православного святого. В этих обычаях сказывается и древняя вера в магическую силу имени, и трансформировавшееся учение о защите окрещенного человека ангелом, именем которого он назван. Взгляд на кумовьев как на лиц, через которых осуществлялось приобщение ребенка к Богу, привел к распространению обычая в случае неоднократной смерти детей в семье приглашать в восприемники первых встретившихся, независимо от их возраста и родственного отношения к семье [17, л. 113].

На восприемниках лежала обязанность приготовить ко дню крещения белую рубашку и купить крестик для ребенка [21, л. 80], иначе на том свете он будет ходить голым. В других случаях крестный отец покупал для младенца крестик и ленточку на гайтан – голубую для мальчика, а розовую для девочки. Крестная мать готовила рубашечку с пояском из ленточки такого же цвета, что и гайтан [15, л. 83]. На протяжении всей жизни крестные должны были дарить платье, считалось, иначе ребенок будет часто падать и травмировать себя. Нагрудный крестик дети должны были носить на протяжении всей жизни. Было представление, что если человек ходит без креста дольше шести недель, то он делается наравне с некрещеным [20, л. 95].

Ребенка в церковь в основном несла восприемница, какого бы пола не был ребенок [17, л. 113]. Запись делалась псаломщиком в караулке. На вопрос «когда родился ребенок», не все могли сразу и точно ответить. Плату за крещение обычно давали родители младенца. Законодательство регламентировало порядок взимания платы за крещение и молитвы матери. Сенатский указ 1765 г. предписывал, чтобы за молитву родильнице брали по 2 коп., за крещение младенца 3 коп. [24, с. 91]. На практике эта плата была и выше. Так, в 1821 г. прихожане д. Малой

Урмаровой Цивильского уезда жаловались на священника Гавриилу Михайлова, что он на тоекратную просьбу крестьянина Григория Васильева крестить сына игнорирует, требуя за крещение 5 руб. Другой крестьянин Иван Семенов убедительно просил окрестить дочку «по причине младенца», но священник «с ругательством и бранью не окрестя младенца, согнал его с женою и тем младенцем со двора своего» [14, л. 14]. Аналогичные примеры встречаются и в среде марийцев. Они говорили, что «дети их остаются некрещеными до двух и более лет, т.к. привезенных в церковь для крещения младенцев высылают из церкви, ежели за крещение принесено меньше рубля, или, по крайней мере, восьмидесяти копеек» [13, с. 312].

Согласно общепринятому обычаю, ни отец ребенка, ни тем более его мать не принимали непосредственного участия в обряде крещения. При входе в церковь мать оставалась на паперти и наказывала восприемникам, чтобы они наблюдали, что произойдет со скатанными в шарик воска волосами ребенка, когда его бросают в воду. В д. Четырла Шенталинского района Самарской области во время купания ребенка в купели говорили: «... (произносили имя) сулелле, шыв аялалла» (ребенок вверх, вода вниз) [22, с. 132].

Стюхинские чуваша после крещения ребенка звали к себе домой йомзю или бабу, которая, совершив над новокрещеным языческий обряд, давала ему языческое имя. Таким образом, христианское имя заменялось языческим, и первое, кроме официальных случаев, никогда более не употреблялось [23, с. 328].

После возвращения домой из церкви родители угощали восприемников. Крещение отмечали застольем практически все, но богатые приглашали много родственников и знакомых. Менее состоятельные крестьяне устраивали скромный стол, но и они старались как можно торжественнее отпраздновать крестины первенца. В этот день происходило окончательное «вещественное оформление» перехода новорожденного в новый статус, а одним из символов этого периода становилась рубашечка с пояском, подносившаяся крестными родителями (ача кёпи) [1, т. II, с. 164], которая была практически единственной одеждой вплоть до совершеннолетия.

На крестины обычно приглашалась вся родня; по более поздним сведениям, собирали только близких родственников. Гости приходили с подарками, как и при посещениях роженицы в первые дни после родов, только это делалось более основательно и организовано. На крестных, таким образом, лежала потенциальная обязанность содержать и воспитывать крестника, поэтому выбор крестных являлся очень важным шагом. У чувашей было поверье о том, будто бы грехи ребенка до достижения им совершеннолетия (т.е. до брака) записываются на крестных: мальчика – на крестного отца, девочки – на крестную мать. Во время страшного суда (ахър самана) восприемники якобы будут отвечать перед Богом за согрешения своих крестников.

Как свидетельствуют представленные материалы, с крещением, помимо церковного ритуала, было связано множество народных поверий, представлений, обрядовых действий, что, видимо, говорит о тесном и длительном взаимодействии этого таинства, внесенного в чувашскую культуру с принятием христианства, с древнейшими обрядами местного населения, сопровождавшими и ритуально оформлявшими период младенчества и раннего детства. Несмотря на единую христианскую основу, крестильная обрядность вплоть до начала XX в. отличалась некоторыми особенностями. По всей вероятности, это связано с тем, что христианское крещение вобрало в себя местные обряды детского цикла, имевшего ту или иную локальную специфику.

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. Т. I-XVII.
2. *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.
3. *Васильев М.* Языческие представления чуваш о загробной жизни // Известия по Казанской епархии. 1904. № 11. С. 431-443.
4. Государственный исторический архив ЧР (далее ГИА ЧР). Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 653.
5. ГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1.
6. ГИА ЧР. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2.
7. ГИА ЧР. Ф. 408. Оп. 1. Д. 5.
8. ГИА ЧР. Ф. 408. Оп. 1. Д. 6.
9. ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 7. Ед.хр. 7.
10. ГИА. Ф. 557. Оп. 7. Ед.хр. 294.
11. *Егорова О.В.* Этнография детства чувашей: историография темы / *О.В. Егорова* // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. С. 17-23.
12. *Листова Т.А.* Кум да кума // Родина. 1994. № 11. С. 112-116.
13. Мысли Филарета, митрополита московского, о пастырском служении // Известия по Казанской епархии. № 11. 15 марта 1905 г. С. 306-314.
14. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 612.
15. Научный архив Русского географического общества. Р. 14. Оп. 1. Ед. хр. 101.
16. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Т. 159. Инв. № 4716.
17. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 174.
18. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 184.
19. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 233. Инв. № 5808.
20. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 268. Инв. № 5978.
21. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 327.
22. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 761. Инв. № 5323.
23. *Никифоров Ф.Н.* Стюхинские чувашы // ИОАИЭ. 1904. Т.20. Вып.6.
24. *Четырина Н.А.* Материнство и младенчество в конце XVIII – начале XIX вв.: по данным метрических книг Сергиевского посада // Материнство и детство в России XVIII-XXI вв. Сб. науч. ст.: в 2 ч. М.: ГОУВПО «МГУС», 2006. Ч. 1.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

YEGOROVA OXANA VENIAMINOVNA – candidate of historical sciences, doctoral candidate, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.
